

Е. В. Полевицкова

**«МЫ ЗДЕСЬ В ГУЩЕ БИТВЫ ПРОТИВ АНАРХИИ...»
(политическая жизнь эпохи реставрации в письмах
А. Э. Ришелье В. П. Кочубею)**

Имя Армана Эмманюэля дю Плесси де Шинона, герцога де Ришелье (1766–1822) неразрывно связано с историей и Франции, и России. Принадлежавший к одной из наиболее влиятельных фамилий французской аристократии, Ришелье в молодости пережил многочисленные превратности судьбы, выпавшие на долю его поколения. Покинув Францию во время Революции, он познал печальную участь эмигранта, участвовал в военных кампаниях роялистской армии принца Конде, служил в войсках иностранных государств. В 1799 г. он стал генерал-лейтенантом русской армии.

Попав в немилость у Павла I, Ришелье покинул Россию, но с воцарением Александра I получил в 1802 г. от молодого императора теплое письмо с приглашением вернуться¹. По возвращении, он 27 января 1803 г. был назначен на должность градоначальника Одессы. В 1805–1814 гг. Ришелье занимал пост генерал-губернатора Новороссийского края, где проявил себя блестящим администратором.

С Реставрацией Бурбонов Ришелье вернулся во Францию и сразу же вошел в политическую элиту своей страны. В сентябре 1815 г. король поручил ему возглавить правительство. Зная о том большом уважении, которое питал к Ришелье император Александр I, Людовик XVIII надеялся, что новый глава кабинета сумеет добиться для Франции более благоприятных условий мирного договора с державами-победительницами. И если при подписании в ноябре 1815 г. Парижского мира эти надежды не слишком оправдались, то на Аахенском конгрессе 1818 г. во многом именно авторитет Ришелье позволил Франции досрочно избавиться от унижительного положения страны, оккупированной иностранными войсками. Как позднее справедливо заметит Н. Г. Чернышевский, «не было в то время человека, которому Франция была бы так много обязана, как герцогу Ришелье»².

Елена Викторовна Полевицкова – кандидат исторических наук, заведующая отделом редкой книги и рукописей Научной библиотеки Одесского университета им. И.И. Мечникова.

¹ См.: Сборник Русского императорского исторического общества (Далее – РИО). СПб., 1886. Т. 54. С. 217-218.

² Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1950. С. 235.

Во внутренних делах государства глава кабинета также проявил себя тонким и мудрым политиком. Хотя при назначении Ришелье на этот пост его предшественник Талейран и съязвил, что управление Францией поручено человеку, который лучше всего знает Крым³, герцогу на протяжении трех лет удавалось успешно лавировать между Сциллой революции и Харибдой ультрароялизма, сдерживая, насколько удавалось, политические страсти противоборствующих партий. Роялист по убеждениям, он, будучи сторонником сильной королевской власти, считал, однако, необходимым для сохранения гражданского мира строго следовать установленной конституции – Хартии 1814 года. Не имея возможности напрямую воспрепятствовать «белому террору», развязанному ультрароялистами после «Ста дней» Наполеона, Ришелье постарался максимально ограничить размах репрессий, постепенно сведя их на нет. При нем были проведены оказавшиеся весьма удачными реформы – избирательная (1816) и военная (1817). Вместе с тем, Ришелье возражал против введения свободы печати, ратуя за сохранение цензуры.

Уйдя в 1818 г. в отставку из-за возникших в кабинете разногласий, Ришелье критически относился к действиям своего преемника Деказа по расширению свободы печати. Тревожило герцога и распространение в обществе либеральных настроений, проявившееся в увеличении после частичных выборов 1819 г. числа левых депутатов в палате представителей.

21 февраля 1920 г., в разгар политического кризиса, вызванного убийством герцога Беррийского, Ришелье вновь возглавил правительство. Стремясь пресечь в корне революционные посягательства на существовавший строй и остановить рост влияния левых, он провел через палату представителей законы, которые ограничили свободы печати и личности. Новый избирательный закон дал правым абсолютное большинство депутатских мест. Однако требованиям ультрароялистов еще больше ужесточить политический режим Ришелье решительно воспротивился, заявив, что считает необходимым вносить «как можно меньше таких законопроектов, которые способны возбуждать страсти»⁴. В декабре 1821 г. Ришелье под давлением ультрароялистов пришлось уйти в отставку. Полгода спустя его не стало. Крах его политики «золотой середины» положил начало глубокому и продолжительному крену на правый борт корабля французской монархии – крену, который она так до конца уже не преодолела и который в 1830 г. привел ее к гибели. По словам французского историка А. Мале,

³ *Crousaz-Crétet L.de. Le duc de Richelieu en Russie et en France. P., 1897. P. 145.*

⁴ Цит. по: История XIX века / Под. ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М., 1938. Т. 3. С. 116.

«при министерстве Ришелье, правительство ограничилось отнятием вольностей, дарованных при Деказе. При министерстве Виллеля [преемника Ришелье – *Е. П.*] оно открыто попыталось произвести частичную реставрацию Старого порядка»⁵.

* * *

Ниже мы публикуем письма Ришелье, которые познакомят читателя с мировоззрением этого видного представителя умеренно правых политиков Франции в эпоху Реставрации, с его позицией накануне и во время политического кризиса 1820 г. В них герцог не только комментирует текущие внутривполитические события и международную ситуацию, но и подводит своеобразный итог своей политической карьере. Несмотря на присущий ему стоицизм, попытка Ришелье укрепить монархию как гарантию общественной стабильности, преодолеть дух ненависти и политических страстей, придерживаясь принципа «*ni ultro ni citro*», не увенчалась успехом. Стараясь в обстановке интриг и партийных распрей сохранить свою независимость, он остался одиноким и непонятым современниками⁶. Видимо, отсюда – и звучащий в его письмах лейтмотив о том, как трудно творить добро.

Чтобы по достоинству оценить степень искренности и открытости, проявленные Ришелье в этих посланиях, необходимо сказать несколько слов о том, кому они предназначались. Их адресатом был известный государственный деятель России граф Виктор Павлович Кочубей (1768-1834). Ришелье познакомился с ним в Вене в 1791 г., после чего их жизненные пути не раз пересекались⁷. Тот и другой испытали непредсказуемые перепады в отношении к себе со стороны Павла I, а затем пользовались расположением и доверием Александра I⁸. С воцарением последнего В.П. Кочубей входил в узкий круг наиболее близких к молодому императору людей и, возглавляя в 1802-1807 гг. министерство внутренних дел,

⁵ Там же.

⁶ *Cisternes R. de. Le duc de Richelieu. Son action aux conférences d'Aix-la Chapelle. Sa retraite du pouvoir.* P., 1898; *Waresquiel E. de. Le duc de Richelieu, 1766-1822. Un sentimental en politique.* P., 1990. P. 276.

⁷ *Waresquiel E. de. Op. cit.* P. 95.

⁸ См.: Архив князей Воронцовых. Т. 14. С. 98, 120-125, 102-103; Т. 14. С. 98, 120-125, 102-103; РИО. Т.54. С.216-217. *Шильдер Н.К.* Император Александр I. СПб., 1897. Т. 1. С. 112; *Rimbaud A. Le duc de Richelieu en Russie et en France // Revue des deux mondes.* 1887. Vol. 84. P. 619.

сыграл решающую роль в назначении Ришелье градоначальником Одессы, а затем генерал-губернатором Новороссийского края.

Деловое сотрудничество Ришелье и Кочубея дополнялось искренним дружеским расположением и взаимным уважением. Отсюда доверительный конфиденциальный тон при обсуждении важнейших государственных дел. Их симпатии и антипатии при дворе имели много общего. Оказывая друг другу поддержку, они образовали довольно эффективный альянс, о чем свидетельствует их переписка, причем, не только и не столько официальная⁹, сколько частная. Последняя касалась не только личных дел, но и международной жизни (Восточный вопрос, франко-русские отношения), экономической и политической ситуации в России и во Франции. Особенно активный характер их корреспонденция приобрела в 1807 г., когда они обсуждали Тильзитский мир и его последствия. Этот год был критическим в карьере Кочубея, который, не одобряя новый курс императора после Тильзита, подал в отставку и отправился за границу¹⁰. Весной 1808 г. Ришелье просил своих близких в Париже принять поехавшего туда В. П. Кочубея, как своего самого лучшего друга. Позднее он назвал свои беседы с графом в его имении в Херсонской губернии «истинным праздником» общения с единомышленником¹¹.

Такие же теплые отношения сохранились между ними и после отъезда Ришелье во Францию. Герцог принимал близко к сердцу перипетии карьеры своего друга и искренне радовался упрочению его положения при дворе. В сентябре 1819 г. Ришелье писал графу Каподистрии в связи с возвращением В.П. Кочубея на пост министра внутренних дел: «я вспоминаю с удовлетворением, смешанным с сожалением, как мне было приятно работать под его началом и творить добро в Новороссии»¹². Не удивительно поэтому, что приведенные ниже послания отличаются высочайшей степенью открытости и доверительности, донося до нас не приукрашенное дипломатическим флером мнение герцога Ришелье по различным аспектам общественной жизни.

⁹ См. многочисленные дела в Российском государственном историческом архиве (Ф. 1286. Оп. 1; Ф. 383. Оп. 29 и др.)

¹⁰ РИО. Т. 54. С. 260-262; *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. 2. С. 212.

¹¹ РИО. Т. 54. С. 274; Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 49. Оп. 2. № 2348.

¹² Государственный архив Одесской области. Ф. 93. Оп. 1. № 184. Л. 12; РИО. Т. 54. С. 533-534.

Публикуемые документы хранятся в фонде В.П. Кочубея в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ. Фонд 387. № 50. Лл. 1–7). Оригиналы написаны по-французски.

1.

РНБ. Ф. 387. № 50. Лл. 1-2
Куртейль, 16 декабря 1819
Получено 4 января 1820.

Ваше письмо, которое я получил лишь по возвращении в Париж¹³, заставило меня еще сильнее почувствовать всю свою вину, которую я уже давно ставил себе в упрек. Однако же я не могу обвинить себя в том, что не поблагодарил Вас за великолепный мундштук, который Вы любезно послали мне; он прибыл в Париж во время моего отсутствия, но без письма – по крайней мере, таковое я так и не получил. Письмо, которое я написал, чтобы поблагодарить Вас, постигла, очевидно, та же участь. Я говорю Вам это не для того, чтобы извиниться, поскольку и сам нахожу свою лень непростительной. Я говорю лень, а не забывчивость, ибо признаюсь, что очень часто думал о Вас и даже писал дважды графине Орловой¹⁴, чтобы справиться о Ваших новостях, и недавно она мне сообщила в Гаагу, что ей было известно. Умоляю Вас, поверьте, что я ценю Вашу дружбу, что Вы первый среди тех немногих людей, интерес которых мне необходим, и к кому я навсегда сохраняю самую искреннюю привязанность, близко ли, далеко ли от Вас. Мне необходимо, чтобы Вы не сомневались в этом, и я даю Вам слово, что Вы более не будете так долго ждать моего в том заверения.

Боюсь, что не могу сообщить Вам многое о настроении, царящем в нашей Франции и об опасностях, которые нам угрожают. Результаты выборов скажут вам об этом больше, чем все, что я могу поведать Вам об этом¹⁵. Упрямство одних, сумасбродство других привели к почти полной победе ультралиберальной партии на последних выборах. Люди из этой партии ловко воспользовались свободой прессы, вырванной у министерства в результате криков всех партий, чтобы исказить и извратить общественное мнение¹⁶. Последнее не корректируется у нас как в Англии многочисленными и влия-

¹³ Письмо было написано в имении жены Ришелье по возвращении его из заграничного путешествия, куда он отправился в начале 1819 г. вскоре после отставки своего первого кабинета.

¹⁴ Графиня Анна Ивановна Орлова (урожд. Салтыкова) (?-1824).

¹⁵ На выборах 1/5 депутатского корпуса в сентябре 1819 г. наибольшего успеха добились левые или, как их тогда называли, «независимые». См. История Франции. Т. 2. М., 1973. С. 182-183; *Lamartine A. de. Histoire de la Restauration*. P., 1852. Т. 6. P. 222-223, 226.

¹⁶ Ришелье имеет в виду проведенный в мае 1819 г. правительством Дессоля - Деказа новый закон о печати.

тельными собственниками, и здравый смысл Джона Булля – как раз то, чего нам не хватает. Легко привлечь внимание публики, говоря на языке страстей, и если Вы читаете наши газеты, то увидите, что распушенность превысила все границы. Эта арена открыта для всех партий, и они устремились на нее с рвением и непередаваемым коварством. Не могу сказать, что обвиняю наш закон о выборах. Думаю, что мы совершили большую ошибку, предложив его таким, каков он есть, и не усилив влияние собственности, подобно тому, как это сделал Бонапарт. Я уступил в этом вопросе мнению людей, которые, как полагал, знают его лучше меня, и всю жизнь буду терзаться страшными упреками по этому поводу. Но это вовсе это не единственная причина зла. Я скорее вижу ее в распушенности прессы, которой у нас не сможет противостоять ни одно правительство и которая покончила бы с Бонапартом за 6 месяцев, если бы тому не удалось подавить ее¹⁷. Как бы то ни было, г-н Деказ¹⁸, который в прошлом году не разделял мою точку зрения о переменах, казавшихся мне необходимыми, что привело к роспуску нашего министерства¹⁹, сегодня пришел к тому же мнению, но обстоятельства весьма переменились. Под воздействием памфлетов и газет умонастроения не вполне готовы к тому, чтобы принять изменения, о которых король, возможно, слишком определенно заявил в своей речи. И то, что обновленная пятая часть палаты почти целиком состоит из либералов, и огромное увеличение числа лиц такого же рода в палате пэров²⁰ сделают весьма сомнительным согласие этих двух корпусов на законодательные предложения короля, которые, как говорят, ему следует внести. Я предоставляю Вам судить о том,

¹⁷ См. красноречивую характеристику французской прессы этого периода, данную А. Ламартином: «Это столкновение мнений, антипатий, рассуждений, сарказма, провокаций, инвектив, разжигавших страсти и приводящих в негодование трибуны, продолжалось [вне палаты] в газетах, которые свобода, данная прессе, сделала более многочисленными и озлобленными. ...Умонастроение публики, столь долго подавляемое силой оружия и деспотизмом, рассыпалось на тысячи [различных] голосов» (*Lamartine A. de. Op. cit. Т. 6. Р. 213*).

¹⁸ Эли Деказ, герцог (1780-1860), фаворит Людовика XVIII, в 1815-1818 гг. – министр полиции в кабинете Ришелье. В 1818-1819 гг., занимая пост министра внутренних дел в кабинете генерала Ж.Ж.О. Дессоля, фактически руководил политикой правительства. С 19 ноября 1819 г. по 20 февраля 1820 г. лично возглавлял кабинет.

¹⁹ В декабре 1818 г. Ришелье решил провести избирательную реформу, которая должна была остановить неуклонно возрастающее влияние левых, однако столкнулся с оппозицией ряда министров, в т.ч. Деказа, что и привело к отставке кабинета Ришелье. После победы левых на сентябрьских выборах 1819 г. Деказ тоже пришел к убеждению в необходимости подобной реформы, но не был поддержан другими министрами. Разногласия привели в ноябре 1819 г. к отставке правительства Дессоля-Деказа и назначению Деказа главой нового кабинета. – История XIX в. С. 108, 112.

²⁰ В марте 1819 г. Людовик XVIII, чтобы нейтрализовать в палате пэров чрезмерное влияние ультрароялистов, назначил 60 новых пэров – половину из них составляли маршалы, генералы и высшие сановники, выдвинувшиеся при Империи.

в какой неразберихе мы окажемся после этого, какой огромной, почти неодолимой станет мощь либеральной партии, и какие средства останутся у королевской власти для того, чтобы отразить нападки, коим она подвергнется. Не всякий государственный переворот может помочь в этом, и Вы знаете, что не семейству Бурбонов совершать перевороты, подобные 18 брюмера. Вот, господин граф, кризис, в котором мы находимся, и я не думаю, что кто-либо способен предвидеть, как из него можно выйти среди этих волнений и опасностей, которые чрезвычайно занимают умы мыслящих людей. Внешне в Париже царит полное спокойствие, а во всей Франции – сама безмятежность. Многие проявляют лишь слабый интерес ко всему этому, желая, прежде всего, покоя. Но я далек от мысли, что эта толпа выступит за дело короля, как некая дама²¹ сообщает в Петербург. Я убежден, что она [толпа] равнодушно примет любую перемену, произошедшую в Париже, и тот, кто будет хозяином в Париже, тот и будет править во всей Франции. Равнодушие к своему правительству – вот чувство, владеющее народами, приведенными в расстройство революциями. Я видел это в Италии, Германии, в Нидерландах. Во Франции же к этому добавляется привычка принимать законы, идущие из Парижа, - привычка, усиленная к тому же концентрацией власти, которая здесь больше, чем в любой другой известной мне столице. Таким образом, эта потребность в покое не вселяет надежд, как можно было бы ожидать. Тем более, когда видишь, как дерзкая группировка уверенно стремится к низвержению существующего порядка, опираясь на все те силы, которые сложились тридцать лет тому назад и которые она смогла объединить вокруг себя благодаря страхам и недоверию, искусно вызванным ею, особенно в прошлом году²². Опрометчивые шаги, перегибы другой партии, конечно же, сыграли ей на руку, но необходимо признать, что она воспользовалась этим оружием с дьявольской ловкостью. Отсюда следует, что такое положение вряд ли долго продлится, и в то же время я не могу предвидеть, как с ним будет покончено. Возможно, через месяц будет видно определенное, однако, признаюсь, что я еще долго не смею надеяться увидеть у нас хоть какую-то стабильность. Я весьма опасаясь, как бы после новых потрясений мы вновь не попали бы под иго военного диктатора, поскольку не вижу в сегодняшней Франции элементов, необходимых, чтобы создать прочное представительное правление, как в Англии. Подобно тому как несчастья Святого Людовика послужили исцелению Европы от мании крестовых походов, так и бесплодные опыты Франции с законодательными собраниями в течение 30 лет, возможно, предусмотрены провидением, чтобы внушить отвращение другим народам к подражанию, к которому некоторые из них уже проявили определенную готовность. Довольно трудно полностью переделать по-новому старое общество, по крайней мере,

²¹ Персонаж не идентифицирован.

²² Либеральная «партия» активно подогревала те страхи, которые у новых собственников, созданных Французской революцией, вызывали призывы ультрароялистов к возвращению Старого порядка.

человеческая история дает нам мало примеров этого или вовсе их не дает. Агония может быть долгой, а ее конвульсии более или менее бурными, но это всегда агония. Государства, как и люди, должны иметь свое рождение, свое развитие и свой конец.

Десять дней назад я вернулся в Париж. Там я был настолько осажден толпой людей, каждый из которых, имея свое средство спасения государства, желал заручиться моей поддержкой, чтобы применить его, что приехал укрыться здесь и отдохнуть в одиночестве. Я вернусь туда через несколько дней, чтобы принять участие в прениях палаты пэров, которые не хочу пропускать в столь критический момент. Я выполню свой долг, но этим мое участие в делах и ограничится. Чего бы мне не предложили, я не вернусь в правительство. Я заявил об этом во всеулышанье и буду держаться с негибимой твердостью. Нужно иметь безграничное самодовольство, уверенность в своих силах, которых у меня вовсе нет, чтобы в подобных обстоятельствах взвалить на себя такую ношу. Возможно, чтобы выйти из этого кризиса необходима определенная привычка к революциям и интригам, но Вы-то знаете, как я разбираюсь во всем этом. Таково мое решение, и оно принято безоговорочно, чего не могу сказать о других своих планах. Если бы их можно было строить в той ситуации, в которой мы сейчас находимся, то я отправился бы через Вену в Одессу и провел там часть лета. У меня есть огромное желание вновь увидеть столь дорогие мне места, и в то же время уладить все оставленные там мелкие дела. Я получаю из этих краев, мало-приятные во многих отношениях новости²³ и, возможно, льщу себе, но мне кажется, что мое посещение могло бы принести некоторую пользу. Обстоятельства малоблагоприятны для торговли зерном, но во всем мире сейчас торговый кризис, который не может не ощущаться и на Черном море.

Не знаю, смогу ли я осуществить свои прожекты. Поскольку я решил чаще сообщать Вам новости о себе, буду Вас подробно держать в курсе своих дел. Нет смысла просить Вас сохранить в секрете все, что я Вам сообщаю и буду сообщать о положении Франции. Вы знаете, насколько важно, чтобы мое мнение не было известно никому, кроме Вас, на кого я рассчитываю, как на себя самого, и от кого у меня нет секретов. Это письмо будет доставлено курьером, которого Поццо²⁴ должен отправить, когда он сможет сообщить что-либо определенное о наших делах; сегодня же я бы воздержался от этого. Позвольте мне особо рекомендовать Вам господина де Лаферронэ²⁵. Именно я привлек его к делам, выбрал для миссии в Петербурге и направил туда. Думаю, невозможно было сделать лучший выбор, и когда вы его немного лучше узнаете, не сомневаюсь, что и Вы его оцените.

²³ Речь идет о сложностях введения порто франко в Одессе в 1819 г. и общей неблагоприятной ситуации, сложившейся в торговле.

²⁴ Карл Осипович Поццо ди Борго (1768-1842) – дипломат, полномочный министр, посол России во Франции в 1814-1835 гг.

²⁵ Пьер Луи Огюст де Лаферронэ, (1777-1842), граф, в 1819-1821 гг. – посланник, в 1821-1826 гг. – посол Франции в России.

Пока я пишу это письмо, я узнал, что Вы назначены министром внутренних дел с почти такими же полномочиями, какие у Вас были прежде²⁶. От всего сердца поздравляю с этим Императора и Россию. Признаюсь даже, что еще более сожалею из-за того, что вынужден более не быть русским, и начать то, что, кажется, в письме к Вам я назвал своей второй эмиграцией. Какое счастье было работать под Вашим покровительством, творить благо на юге России! Не знаю, относитесь ли Вы к этому событию, как я, но не могу удержаться от того, чтобы не порадоваться, видя, что такой человек, как Вы, призван оказывать столь большое влияние на судьбы страны, к которой я всегда буду привязан. Я прошу за это прощения у г-жи графини, которая, боюсь, не в восторге от того, что Вы вновь возлагаете на себя подобное бремя²⁷. Но я не могу думать иначе. Я сразу же умоляю Вас оказать поддержку одесскому лицею. Не знаю, что смог сделать аббат Николь, но уверен, что его заботы уже принесли самые счастливые плоды. Возьмите это заведение под свою защиту, и не допускайте, чтобы оно потерпело неудачу, это было бы действительно досадно, поскольку я убежден, что со временем оно могло бы изменить облик значительной части южной России²⁸. Прощайте, господин граф, я не осмеливаюсь более продолжать это письмо, возможно, уже слишком длинное, сейчас, когда я знаю, что у Вас есть столько дел, и кроме чтения моих писем. Позвольте лишь сказать Вам еще раз, что моя признательность за все, что Вы сделали для меня прежде, и моя нежная дружба сохранятся до конца моих дней. Позаботьтесь как следует о своем здоровье, остерегайтесь этого кровохаркания, а в особенности не утомляйте себя излишне работой. Тысяча и тысяча приветов г-же графине, и графине Наталье²⁹. Возможно ли, что вы до сих пор не пристроили эту очаровательную особу: это, безусловно, не делает чести молодым людям в Петербурге.

Вот маленькая записка, которую я прошу вас передать Штиглицу³⁰, возможно, я добавлю еще несколько строк к этому письму в момент отправления курьера.

Париж, 23 декабря.

Мне нечего добавить к своему письму, положение не изменилось, дела не продвинулись ни на шаг, но поскольку Поццо давно не писал, он посылает

²⁶ В ноябре 1819 г. В.П. Кочубей вновь возглавил министерство внутренних дел.

²⁷ Графиня Мария Васильевна Кочубей (урожд. Васильчикова) (1799-1844), супруга графа В.П. Кочубея.

²⁸ Ришельевский лицей в Одессе был основан в 1817 г. при самом деятельном содействии герцога. Шарль-Доминик Николь (1758-1835) – аббат, личный друг Ришелье, разработал план учреждения лицея в Одессе и стал его первым директором. См.: *Établissement du Lycée Richelieu à Odessa, fondé par oukase de S. M. L'Empereur de toutes les Russies, en date du 2 mai 1817*. P., 1817

²⁹ Графиня Наталия Кочубей, дочь В.П. Кочубея.

³⁰ Николай Штиглиц (1772-1820) – меценат, сделавший ряд крупных пожертвований в пользу Ришельевского лицея и других учебных заведений.

ет одного из своих молодых людей, г-на Списса³¹, которому я вручаю это письмо. Я вновь обращаюсь к Вам с просьбой о том, чтобы все, что я говорил Вам о Франции, оставалось между нами; Вы понимаете важность [этой информации]. Желаю вам сил и здоровья и прошу Вас хоть немного любить меня всегда.

Будьте так любезны, чтобы прислать мне чая по возвращении Списса.

2.

РНБ. Ф. 387. № 50. Л. 3.

Париж, 2 января 1820

Получено 17 января 1820

Чтобы выполнить обещание, данное Вам в последнем письме, господин граф, сообщать Вам наши новости, я пользуюсь отъездом французского посланника, который присоединится к г-ну де Лафеттэ. Я знаю, что пишу не министру императора, а графу Кочубею, дружбе которого могу полностью довериться, не боясь, что откровенность моей информации когда-либо доставит мне хоть малейшее затруднение. Полагаю, что ход первых заседаний наших палат внушил надежду друзьям порядка, и, может быть, это начало даже навело Вас на мысль, что я видел все слишком в черном цвете. И действительно, назначение председателя и его заместителей, обсуждение и принятие адреса, а также закона о шести двенадцатых, а также речи министров, чему предшествовало исключение Грегуара³², – все это, в особенности увиденное издали, позволяет думать, что идеи порядка и его сохранения, в конечном счете, одержали победу. Господь желал бы этого, но, признаюсь вам, что у меня сохраняются, однако, все те же опасения. Я хотел бы ошибаться, однако, пока ничто не доказало мне, что можно найти средство обеспечить наше будущее. Важнейший вопрос об изменении избирательного закона, и о полном обновлении палаты все еще висит [в воздухе], и от решения этого вопроса зависит, будет ли время разобраться в ситуации, или же мы увидим, как стремительно развиваются события. Министры в чрезвычайном замешательстве. Оно [дошло] до того, что болезнь г-на де Серра³³, того из них, кто ближе всех принимает к сердцу происходящее и кто, будучи роялистом как по уму, так и по склонности, принял решение искупить [вину] и исправить ошибки, которые, как он считает, были сделаны, так вот его болезнь, говорю я, помешает представить эти законопроекты в палату, поддержать их всей силой его логики, его красноречия, и лишит министерство столь необходимой поддержки, как и влияния, которое он лично оказывал на довольно значительное число членов палаты. Это обстоятельство, конечно,

³¹ Василий Иванович Спосс - секретарь русского посольства в Париже.

³² Анри Грегуар (1750-1831), аббат, член Конвента (1792-1795). В сентябре 1819 г. избран в палату депутатов от Гренобля, но результаты выборов были аннулированы. См.: *Lamartine, A. de. Op. cit. P. 222-223, 226, 234.*

³³ Пьер Франсуа Эркуль де Серр, граф (1776-1824), министр юстиции.

достойно сожаления, и я рассматриваю его как подлинное бедствие. Принято решение не ждать выздоровления, на которое более нельзя надеяться, и через несколько дней предпринять авантюру. Я буду держать вас в полном курсе того, что произойдет. [Настоящий] момент представляет чрезвычайный интерес не только для Франции, но и для всей Европы.

Единственное, что утешает, – это поведение военного министра³⁴. Он проявляет характер и ум, о которых нельзя было даже подозревать из-за его сдержанности и скромности, и можно быть уверенным, что направление, которое он даст армии, будет настолько же благотворным, насколько оно внушало опасения год назад. Гвардия видит, что ее существование обеспечено, и ее будут укреплять, чтобы сделать оплотом против волнений, к признакам которых она, по моему мнению, едва ли проявляет внимание. Именно в ней последняя надежда, но через сколько же бурь следует пройти, прежде чем воспользоваться этим средством, и даже оно не будет ли самым большим из зол. Тем временем пресса предалась самой отвратительной распущенности. Беспомощность закона, принятого в прошлом году для ее обуздания, признается теперь всеми настолько, что даже не пытаются никого предавать суду, чтобы не добавлять к скандальности дебатов скандал безнаказанности, которая проявляется в самых подстрекательских писаниях. Пока эти вырвавшиеся на волю пасквилянты не будут сдержаны предварительной цензурой, никакой закон не сможет с ними справиться, и все изменения, которые удастся внести в закон о выборах, не дадут гарантии против пришествия в палату революционеров. Во Франции нет никакого влияния, способного уравновесить газеты. Предоставить им свободу говорить все – означает породить силу, которой не сможет противостоять ни одно правительство³⁵.

Я получил письмо от аббата Николя, которое причинило мне чрезвычайную боль; я вижу, что трудности, которые он испытывает относительно своего положения в лицее, закончатся тем, что его вынудят вовсе отказаться от руководства им, результатом чего станет крах этого заведения³⁶. Это вы-

³⁴ Граф Мари Виктор Никола Латур-Мобур (1768-1850), военный министр в 1819-1821 гг.

³⁵ Ришелье неоднократно подчеркивал пагубность того влияния, которое оказывает на общественное мнение пресса в условиях ее полной свободы. Отсутствие цензуры он полагал опаснейшей уступкой правительства (См.: *Cisternes R. Op. cit. P. 219-221*). В период нахождения у власти второго кабинета Ришелье, 30 марта 1820 г. палатой депутатов был принят закон об ограничении свободы печати, который восстанавливал цензуру и требовал предварительного разрешения на публикацию в газетах и журналах статей, полностью или частично посвященных политическим вопросам.

³⁶ См. также письмо герцога Ришелье аббату Николю от 2 января 1820 г. – *Frappaz. Vie de l'abbé Nicolle. P., 1857. P. 142-144*. После указа от 13 марта 1820 г. об изгнании иезуитов из России аббат Николь покинул страну к большому разочарованию Ришелье. Герцог пожертвовал лицеем доход от своего имения в сумме 3260 талеров, а также 15000 франков на лицейскую библиотеку, которой передал значительную коллекцию собственных книг.

зовет у меня страшную печаль, к которой присоединится, признаюсь Вам, сожаление о принесенной в жертву доброй части моего небольшого состояния – жертву, сегодня невозполнимую. Ради Бога, если Вы можете чем-то здесь помочь, если претензии аббата справедливы и не лишены оснований, как я сужу по сведениям, собранным из разных источников, помогите нам выйти из затруднения. Мы полагали, что основали не губерньскую гимназию, а лицей, независимый от Харьковского университета³⁷, надзор которого мог нанести лишь вред, в чем я убедился, еще находясь там. Наконец, позвольте мне вверить это дело Вашей дружбе и Вашей заинтересованности; у меня есть некоторое право принимать довольно живое участие в этом заведении, и если я отношусь к нему слишком горячо, надеюсь, что мне не поставят это в упрек.

В качестве новогодних пожеланий я искренне желаю, чтобы Ваше здоровье более не страдало от избранного вами нового образа жизни, и чтобы оно не ставило никаких препятствий к пользе, которую Вы можете принести стране, по отношению к которой я не могу считать себя иностранцем. Сохраните для меня свою дружбу и поверьте в нежную и искреннюю привязанность

Вашего верного друга и слуги

Ришелье

3.

РНБ. Ф. 387. № 50. Л. 4-5.

Париж, 1/13 февраля 1820

Хотя я еще не получил ответ на два письма, которые имел удовольствие написать Вам со времени возвращения в Париж, господин граф, я не хочу из-за этого более прерывать переписку, которую, я надеюсь сделать интересной. Итак, я пользуюсь отъездом курьера, которого отправил генерал Поццо, чтобы немного поговорить с Вами о нашем положении, хотя со времени моего последнего письма оно ненамного изменилось. Газеты знакомят Вас с ходом наших заседаний. Несмотря на то, что в палату депутатов внесены все законы о финансах, нетерпение публики не улеглось. Говорят, возможно отчасти и несправедливо, но весьма язвительно, что еще не принят тот [закон], от которого ожидают упрочения общественного порядка; я имею в виду новый закон о выборах. Хотя г-ну де Серру намного лучше, он по предписанию врачей уехал на два месяца в Ниццу. г-н Деказ был серьезно болен, но эти вполне уважительные обстоятельства не смогли заставить замолчать голоса партий, которые не преминули упрекнуть министров в том, что они своим промедлением держат Францию в гибельной неопределенности. Своими интригами и газетами революционеры попытались возбудить народ. К счастью, до сих пор им удалось только собрать петиции, что

³⁷ Формально учебные заведения Одессы находились в подчинении Харьковского учебного округа (в 1804 г. в Харькове был открыт университет), однако Ришелье стремился выйти из-под контроля совета Харьковского университета.

не произвело большого впечатления. Однако нельзя надеяться, что можно будет еще долго бездействовать среди усилий, которые прилагаются к тому, чтобы вызвать волнения. Я считаю необходимым срочно укрепить правительство и королевскую власть, если мы хотим спасти общество от последующего распада. Если закон, когда он будет, наконец, предложен, пройдет в палатах, непременно результатом его принятия станет то, что правительство и добрые граждане вновь воспрянут и что перестанут считаться с людьми, которых нет никакой надежды исправить. Их дерзость уже переходит всякие границы. Вы увидите тому доказательство в письме, которое счел возможным опубликовать г-н Коленкур³⁸, до сих пор столь умеренный, живший в своем имении и никогда не подвергавшийся гонениям. Эта публикация совпадает с появлением в печати нескольких памфлетов, имеющих целью прославить Бонапарта и унижить Бурбонов, что доказывает существование партии, планы которой неизменны и которая, не собираясь отказываться от них, готова их осуществить в благоприятный момент. Бонапартисты гражданские и военные, либералы всех мастей – все они объединились в ненависти к существующему порядку, но единые в своем стремлении к разрушению, они сразу же разделятся, как только цель будет достигнута и вновь погрузят Францию в бездну зла. Глядя на их дерзость, можно подумать, что у них есть тайные ресурсы и определенная поддержка, однако разум отклоняет эти предположения, доказывая, что любая попытка переворота или вооруженного восстания со стороны этой партии не будет иметь никаких шансов на успех. Хочется думать, что большое доверие, которым пользуются эти люди, – часть их тактики, что они надеются таким образом увеличить число своих сторонников, приободрить их и смутить своих врагов. Это тем более вероятно, что Вы не могли бы представить себе, насколько редко встречается смелость духа у столь храброй на поле боя нации, как наша. Каждый только и думает, как бы не скомпрометировать себя, а эти либералы, сегодня столь пылкие, столь запальчивые, не смели дышать, когда им было чего бояться³⁹. Сейчас они весьма громко кричат, чтобы напугать остальных, и мне досадно признавать, что они преуспели в этом хотя бы отчасти. Это стремление избегать даже малейшей опасности не может способствовать установлению представительного правления, где все является публичным и открытым, и это не единственное размышление, которое заставляет меня сомневаться, что подобная форма правления сможет когда-нибудь у нас укорениться. Трудно поверить, что народ может подняться от абсолютного правления к свободному правительству; все нации, история коих нам известна, следуя обратным путем. Наше положение кажется мне настолько плачевным, что я с трудом могу как представить себе, что король сможет править без представительных форм, так и объяснить, каким же образом они будут действовать. У меня сохраняется мрачное предчувствие,

³⁸ Арман Огюстен Луи де Коленкур, маркиз (1772-1827), посол Франции в России в 1807-1811 гг..

³⁹ Видимо, Ришелье имеет в виду период «белого террора» 1815 г.

что Франция вновь подпадет под власть военных; возможно, какого-то принца из дома Бурбонов, чья рука будет всегда менее сильной, чем рука солдата-высочки. Что касается настоящего момента, то происходящее в армии по-прежнему дает надежду на [укрепление] безопасности, и военный министр заслуживает полного доверия друзей порядка. Это важный момент для [сохранения] спокойствия.

Меня вызвали в совет кабинета для обсуждения там нового закона, который будет хорошим, насколько это возможно в настоящих условиях. [Не могу] сказать вам, что он полностью обеспечит безопасность будущих выборов – это покажет только время. Но он, безусловно, лучше, и весьма внушает бодрость, а это уже немало. Возможно, оппозиция ультрароялистов также сойдет на нет, а это еще одно большое преимущество. Но для всего этого необходимо, чтобы закон прошел, и хотя на это есть надежда, нужно еще иметь и уверенность. В данных же обстоятельствах ни в чем более нельзя быть уверенным. Почему же в прошлом году не сделали того, что столь необходимо нынче? Тогда все было бы просто и надежно. Сегодня же все сложно и неопределенно.

Я получил письма аббата Николая, причинившие мне боль. Кажется, он решился покинуть пост директора лицея, и если положение вещей действительно таково, как он мне рисует и как рассказывает граф де Сен-При⁴⁰, находящийся здесь, я не могу винить его. Для того, чтобы творить добро, ограниченной и неполной власти не достаточно. Это очень досадно, поскольку без него заведение можно считать обреченным, к большому ущербу для края и огромному сожалению отцов семейств, у которых там учатся дети. Я уверен, что если бы это было возможно, Вы бы взяли под свою защиту аббата во всем, что сочли бы справедливым. Такое впечатление, что во всех странах совершать благо чрезвычайно трудно. Я вынашивал план совершить этой весной путешествие на берега Черного моря. Будьте так любезны сообщить мне, правда ли то, что, как говорят, император должен прибыть туда, и когда. Вы понимаете, насколько я мечтал бы находиться там в одно время с Его Величеством. Вот письмо, которое я прошу вас передать графу Ланжерону. Он, должно быть, сейчас в Петербурге со своей молодой женой, которая весьма мила и в которой он нашел бы все, будь она столь же богата, как и красива⁴¹. Но говорят же, что в браке, как и во всем остальном, не деньги составляют счастье. Кстати о браке, неужели по-прежнему никаких новостей о графине Наталье? О боже мой, какие же глупцы ваши женихи, если они не устремляются искать руки столь прелестной особы. Должно быть, у них отменно дурной вкус. Передайте, прошу Вас, мой поклон гра-

⁴⁰ Арман Шарль Эмманюэль Сен-При, граф (1782-1863), губернатор Херсона и Подолии, с 1822 г. пэр Франции. Он был в курсе положения дел в Ришельевском лицее, где в 1818-1820 гг. учились его сыновья.

⁴¹ Граф Луи Александр Андро Ланжерон (1763-1831) сменил Ришелье в должности одесского градоначальника и губернатора Херсонской губернии. Речь идет о третьем браке Ланжерона, женившегося в конце 1819 г. на Елизавете Бриммер.

фине и получите новые заверения в нежной и неизменной дружбе, которую питает к вам на всю жизнь

Ваш верный друг и покорный слуга

Р.

Я не пишу Вам об Испании, Вы знаете об этом достаточно⁴². Прискорбно наблюдать, как военная сила намеревается навязать законы тем, кому придется слепо повиноваться ей. Это новое осложнение, которое не может не быть досадным при теперешних настроениях. Невозможно критиковать короля так, чтобы это не отразилось на остальных. А здесь не может не ощущаться влияние этих событий. Я отправляюсь в Лондон, чтобы поздравить нового короля в связи с его восхождением на престол после смерти отца⁴³.

4.

РНБ. Ф. 387. № 50. Лл.6-7.

Париж, 17/5 марта 1820 г.

Знайτε же, господин граф, что я немного сердит на Вас. Я написал Вам уж не знаю сколько писем, не получив от Вас ни слова. Я надеялся, что эта аккуратность искупит мою предыдущую небрежность. Все еще надеюсь на это и хотел бы быть в том уверен. Пребывая в этой надежде я не хочу отпускать полковника Базена⁴⁴, не вручив ему письмо для Вас. Я прошу Вас проявить к нему внимание: как по своим моральным качествам, так и по своим талантам он заслуживает все, что император сделал для него. Он прожил два года вместе со мной в Одессе.

Мы здесь в гуще самой ожесточенной битвы за общественный порядок против анархии и всех ее ужасов. Если у Вас бывает время иногда просматривать наши газеты, то Вы можете увидеть, что принципы, как и выражения и стиль речей, напоминают неистовство наших революционных времен. Но разве можно описать коварство, исступление корифеев левой фракции в только что прошедших дискуссиях. Поскольку они видят весьма определенное намерение оспорить у них власть, которая мало-помалу сама шла им в руки, они готовы на все, чтобы вернуть свои позиции и смести все существующее одним движением руки, если это только им удастся. Таким образом, в этот момент ни перед чем не останавливаются, чтобы всколыхнуть народ и смутить его. Распространяются самые низкие слухи, клевета по поводу намерений правительства посягнуть на неприкосновенность национальных

⁴² 1 января 1820 г. в Испании началась революция. 9 марта король был вынужден восстановить конституцию 1812 г.

⁴³ После кончины английского короля Георга III 29 января 1820 г. на престол под именем Георга IV взшел его сын, бывший регентом с 1811 г. (1762-1830). Ришелье готовился к отъезду в Лондон, но после убийства графа Беррийского 13 февраля 1820 г. поездка была отменена.

⁴⁴ Инженер Базен - отец французского маршала, находившийся на российской службе.

имущества, вернуть десятину и феодальные права, эти и другие подобные нелепицы повторяются на каждом углу. Распространяются эмблемы императорского режима, разнообразные изображения Бонапарта и его сына, и когда правительство просит о средствах, чтобы вооружиться и быть в состоянии защитить то, что есть, и предохранить страну от потрясения, слышатся крики о тирании. Все избитые фразы о министерском деспотизме, о нарушении прав человека раздаются из уст людей, которые были самыми низкими прислужниками императорской власти. Несмотря на все эти усилия, несмотря на ярость подлых людей, а зачастую и на оплошность хороших людей, я все еще надеюсь, что мы выберемся отсюда и вновь спустим корабль на воду. Для этого потребуется немало терпения и мужества, но нам его не занимать. Общественный порядок и европейская цивилизация стоят того, чтобы постараться ради спасения их от угрожающей им катастрофы. Поскольку, конечно же вопреки моей воле, меня вновь вынудили быть там, где я есть⁴⁵; я сделал свой выбор и приложу все усилия, чтобы не уступить свой пост до тех пор, пока не выполню свою задачу и не добьюсь укрепления во Франции порядка и монархии. Невозможно представить себе, до какого накала это смертоубийство⁴⁶ довело страсти различных партий. Все, что Вы видели здесь необузданного, не идет ни в какое сравнение с теперешним положением. Однако же необходимо отдать должное огромному большинству, которое испытывает чувство ужаса перед преступлениями и проявляет привязанность к династии, чего я уже и не ожидал. Париж особенно был замечателен; и после того, как театры были закрыты в течение одиннадцати дней, в тот день, когда их вновь открыли, они почти пустовали. Я надеюсь, что с народом, который так живо чувствует, еще можно на что-то надеяться.

Итак, аббат Николь уезжает. Признаюсь вам, что я этим огорчен, поскольку думаю, что крах лицея неизбежен. Г-н Жилле⁴⁷, который служит весьма исправно, не продержится там дольше, и заведение, которое я считал самым полезным, призванным повлиять на цивилизацию этих мест, несомненно, потерпит крах⁴⁸. Очевидно, делать добро повсюду чрезвычайно сложно. Я беру на себя смелость рекомендовать Вам г-на Стевенса⁴⁹, очень способного натуралиста, который стоит во главе императорского сада в Никите на южном берегу Крыма. У него есть разрешение путешествовать по югу Европы, и он просит в связи с этим о некоторой помощи правительства.

⁴⁵ 21 февраля 1820 г. Ришелье вновь возглавил правительство Франции.

⁴⁶ Убийство наследника престола, герцога Беррийского.

⁴⁷ Реми Жилле (1766-1849), помощник Николая, воспитатель, а в 1820-1821 гг. - директор Ришельевского лицея.

⁴⁸ Эти мрачные предсказания Ришелье не осуществились: лицей просуществовал еще более 40 лет и в 1865 г. был реорганизован в Новороссийский университет (сейчас – Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова).

⁴⁹ Христиан Стевен (1781-1864), основатель и первый директор Никитского ботанического сада в Крыму.

Он заслуживает ее, и Крым, конечно же, выиграет от того, что он соберет в ходе этого путешествия.

Соблаговолите сообщить мне Ваши новости, я тотчас же напишу Вам, но нужно, чтобы Вы сказали мне, что это не будет для Вас неприятно. Тысяча поклонов г-же графине и графине Наталье. Вы можете быть вполне уверены, что невозможно быть более искренне привязанным к Вам, чем это будет делать всю свою жизнь

Ваш верный друг и слуга

Ришелье

Поскольку аббат Николь уезжает, разве не будет справедливым выплатить ему издержки, которые он понес, стараясь обеспечить возглавляемое им заведение служащими, книгами, инструментами и т.д.? Мне кажется, что эта компенсация была бы справедлива, но поскольку, судя по всему, он сам о ней не попросит, позвольте мне ходатайствовать за него и будьте добры поддержать меня.